

День выдался погожим и необычайно тихим.

Это настораживало.

И в то же время «воодушевляло», заставляя внимательно слушать и замечать малейшее движение: ветер, слегка колышущий пробившуюся в стыках плит траву; несущиеся в небе ослепительно белые, с жёлтыми прожилками облака; звон ручья в забитом ветошью ливнесточе; угрожающее урчание, переходящее в напряжённое «мяу», затаившейся с выводком котят в подвале химеры.

Давно я не заставал такой идиллии – обычно всё время приходилось быть начеку, останавливаться перед перекрёстками и осторожно изучать дальнейший маршрут на предмет потенциальных угроз, держать наготове системы дистанционной превентивной обороны – плазмодробовик и установку залповой санации. Но сегодня, просканировав и проанализировав окружающее пространство, я счёл лишним расходовать энергию на оружие и деактивировал его. Обходя горячие точки – места, где в асфальт и бетон вплавились радионуклиды, – расталкивая стайки зомби и переступая через спящих, закутавшись в наноплащи, вампиров, я двигался к пункту назначения – так же, как шёл туда позавчера и десять лет назад, как пойду послезавтра – к пункту, к которому ходили до меня мой наставник и наставник моего наставника, к которому будут ходить мой ученик и ученики моего ученика.

И я знаю: наш путь не сможет прервать никто – ни вышедшие на охоту библиотекари, ни прячущиеся в катакомбах Лувра и Монпарнаса сталкеры, ни эти кожаные ублюдки, называющие себя «бойцами сопротивления». Несмотря ни на что, мы выполним свой долг. Потому что мы – связующая нить времен, мы – последний осколок исчезнувшей без следа цивилизации.

Мы постучимся в дверь одинокого бункера с мезонином.

Она откроется.

– Tatyana Yakovleva? – Спросим мы, фокусируя на объекте левый биологический глаз и правый, светящийся красным, фотоэлемент.

– Si, – услышим мы ответ.

– Вам цветы от Маяковского, – скажем мы и вручим изысканный букет из тантала, кадмия и бериллия, инкрустированный переливающимися всеми цветами спектра кристаллами висмута.

Революция

Площадь бурлила.

Словно в праздничный день, она была расцветена знамёнами всех цветов радуги – синими, голубыми, жёлто-чёрными, жёлто-синими, красно-белыми, звёздно-полосатыми, бело-сине-красными и просто чёрными и красными.

Словно в праздничный день над ней висел гул десятков тысяч голосов, но голосов не праздничных, не весёлых, а угрюмых и гневных: нация пробуждалась после столетий молчания, гнёта и рабства. В толпе то и дело раздавались крики:

– Долой!

– На кол!

– К стенке тварей!

– Миша Задорнов, ты был прав!

И даже верность спешно стянутых спецназа и танковых бригад готова была дать сбой, брось кто-либо ещё хоть одну соломинку на трещащую спину власти.

И эта соломинка всплыла.

Огромным, в десятки метров длиной, удерживаемым сотнями рук транспарантом, на котором было выведено большими белыми буквами и продублировано – с ошибками – клинописью:

«ЧЕМОДАН – ТАРЕЛКА – МАРС!»

Сотни тысяч голосов на площади подхватили этот объединяющий всех клич возмущения, клич, который, как показывали телеэкраны, на языках всех народов Земли нёсся над Таймс-сквер и Тяньаньмынем, Елисейскими полями и водами Темзы:

– Чемодан, тарелка, Марс! Maleta, plasa, Marte! Shōutí xiāng, yī rán, Nuǒxīng!

Казалось, от рёва миллиардов глоток содрогалось само небо – не то что стены белых домов и президентских дворцов, а народ всё прибывал и прибывал, по пути поджигая машины и громя магазины прихлебателей пришельцев. Появились и первые сотни убитых, в борьбе за правое дело отправившихся напрямик в рай.

Величайшая и относительно самая бескровная в истории революция шествовала по планете.

– А-нигин-шурум-ма-хаб! Шурум-анше-ган!* – Глядя на творящиеся внизу оскорбительные бесчинства, прошипел

стоявший у окна рептилоид, взвизг отвращения почёсывая когтями пузо. – Паршивые вонючие ослы, жрущие собственную подстилку! Неблагодарные лепёшки умюгьего навоза! Зачем мы их только слепили!

Его зрачки сузились, словно собираясь навести орбитальные штурмовики на толпы беснующихся рабов.

– Прошу пощадить меня, Ваше Сияние, но разрешите обратиться, – обливаясь потом от ужаса перед собственной смелостью, подал голос в углу зала какой-то человечешко.

– Ты что такое? – Обернулся инопланетянин.

– Я... это... я Ротш...

– Не мямли! – Рывкнул рептилоид. – Говори!

– Войска ненадёжны... Чернь скоро прорвёт оцепление... Надо что-то решать, – вымолвил, собрав остатки мужества, всесильный (в других обстоятельствах) олигарх.

– А что тут решать? За нас всё уже решено. В столице. Ради власти над нею политики решили сбросить балласт – дикие планеты. Вместе с их туземцами, – сказал (скорее для себя, чтобы привести в порядок мысли – не для этого воняющего аммиаком ничтожества) пришелец. – Старый бог арестован, новые боги стягивают звёзды смерти к сердцу Галактики... Какую Империю сгубили, ублюдки Нанайи! – С досады он ударил хвостом, разбив пару драгоценных ваз династии Мин. – Всё кончено. Мы уходим.

– Какие будут приказания, Ваше Сияние? – Отчаянно стараясь быть полезным, задал вопрос гоминидишко.

– Приказания тебе? – Ухмыльнулся, облизывая глаза, ящер. – Что ж... Передай моей охране: Нибиру подогнать к Земле, Луну взять на буксир до окончания ремонта двигателя, Пирамиды продуть, Петербург и Бермудский трилистник подготовить к старту. Всех ануннаков и их бастардов оповестить об эвакуации, в том числе посредством ваших СМИ: рептилоиды своих не бросают!

– Значит, нас тоже заберёте? – С надеждой, пытаясь кривой улыбкой изобразить подобострастие, спросил олигарх.

– Кого – вас?!

– Ну, нас, комитет трёхсот, тайное правительство, масонов, сектантов, верящих в...

– А вам остаётся целая планета!

Развлекайтесь!

– Ваше Сияние! – Ротш, не выдержав, грохнулся на колени. – Но они же перережут друг друга с нами заодно, пока будут искать потомков богов среди нас, ваших людешек! Может, вернуть нам память о нашем истинном предназначении? Это должно остановить погромы...

Смесь ужаса, презрения и любопытства к смелости этого куска протухшего мяса мелькнула в зелёных глазах пришельца. Он подошёл и когтем правой ноги приподнял слугу за шкуру:

– Ты пытаешься оскорбить меня, предлагая жестокостью сравняться с Энлилем и Эрешкигаль?! Ты думаешь, мы поменяли вашу память из каких-то своих корыстных интересов?! Ген-ни гам-ма!* Запомни, червь: всё, что ты видишь вокруг, от морального закона внутри тебя до небесной механики над твоей башкой, было сделано для вашего сносного существования! Если бы вы, слизни, знали о своём истинном предназначении... то этого бунта бы не было! Вы бы ползали и умоляли сжечь вашу планету вместе со всей солнечной системой! – Рептилоид опустил олигарха и вытер коготь о бархат трона, на котором когда-то сидели смотрящие за этим куском суши императоры. – Но мы не воевали уже несколько галактических циклов. Мы, увы, стали слишком милосердны и мягкотелы, даже наша чешуя – не та, что раньше. Хотя...

Он с сомнением взглянул на кашляющего, побагровевшего от удушья человека и вспомнил когда-то услышанную фразу: «Империя подобна океану, и когда она уходит, тысячи моллюсков бьются, задыхаясь, на её обнажившемся дне». Вот и сейчас он экстраполировал мучения своего прислужника на предстоящую агонию аборигенов... и содрогнулся.

– Хорошо. Я окажу вам милость напоследок. Когда-нибудь вы поймёте, что это был акт милосердия.

Рептилоид открыл дверь – стоявший за ней на страже ануннак туже, как положено по уставу зиккурата, свернул хвост вокруг шипов на спине, – и отдал приказ:

– Будите Ктулху!

* А-нигин-шурум-ма-хаб! Шурум-анше-ган! Ген-ни гам-ма! – шумерские ругательства.

Просветление

«Какое интересное печенье, – думал я, ощущая блаженную сытость. – Никогда такого не ел. Или не замечал, всю жизнь бегая, крутясь, добывая хлеб насущный и занимаясь всякой ерундой, – и не было времени ни на что?.. Остановиться. Задуматься...

Насладиться моментом...

Осознать себя.

Своё место в этом мире...

Грандиозном мире».

Я огляделся вокруг.

«Кто я, в самом деле? Сажу тут посреди бескрайней ровени, а надо мною словно опрокинутая чаша неба – вон, я даже различаю узоры в тех отблесках... звёздах?.. Вот как будто цветок... А под ним лист...

Два листа...

Красиво...

А что такое красота? Из чего она создана? Звучит так неясно... как незнакомое слово... Незнакомое, как тот луч, пробивающийся с края вселенной, там, где звёздная чаша опирается на... на степь?.. Интересно, это закат? Или уже рассвет? Или кто-то великий? Вдруг это божество?!

Нет, божествам здесь негде быть. Не в чем жить. Степь – родина монотеизма».

Я встрепнулся от сочетания диких, непонятных звуков в моем разуме: неужели об этом подумал я?! – И продолжил прерванную мысль: «Он мог народиться только здесь. Здесь, где только Я, Чаша и бесконечность.

И Луч.

Кто ты?

Бог?

Дай мне проникнуть в твою суть... Познать. Дай. Я заплачу любую цену. Хоть жизнью. Хоть своею, слышишь?!».

Луч дрогнул и покатился по кругу горизонта...

«Да-а-а, – прохрипел я. – Да. Я здесь. Я жду Тебя!».

Словно вняв моему зову, Он начал расти, отделяя чашу неба от земной опоры, отделяя то, чему место сверху, от того, чему место внизу, полыхнул всепоглощающим Сиянием, в котором раздался грохочущий глас всадников Апокалипсиса: «Ко-о-оля-а-а!» – и неизбежная, как Судный день, сиреневая надпись «Made in China» обрушилась на мой хитиновый панцирь.